

Радиостанция

Что-то закапризничала моя старенькая "сто четырнадцатая". В смысле – "Р-114Д". "Астра". Радиостанция. Хренова куча килограммов в железном коробке цвета хаки. Не держит частоту, то и дело сбрасывает. Что на приеме, что на передаче – одно и то же.

Что интересно – от сети работает как ни в чем не бывало. Но где я в горах найду сеть? Разве что подключиться напрямую к земной магнитосфере. Или таскать с собой бензоэлектрический агрегат.

Сашка Сбойченко тут же принялся фантазировать на тему глушителей, освежителей горного воздуха и прочих прибабасов, которые непременно скроют мое присутствие на Гиндукуше. Ему-то что – он поддерживает связь по навороченной японской машинке размером с автоматный магазин. Ничего не скажу – имеет право. Личность, известная в Афгане каждому, кто научился пользоваться оружием. Лучший авианаводчик нашего ограниченного контингента. "Духи" за голову "Искандера" каждый месяц ставку повышают, скоро со сбитым самолетом по стоимости сравняется. И начальство благоволит – ко второму ордену Красной Звезды представили.

Мне до Сашки как до Эвереста на ишаке. Вот и таскаю допотопную "Астру" на собственном горбу. Если бы еще не капризничала...

Гарнизонные спецы – сплошь непризнанные Кулибины, да Поповы с Маркони – несколько раз уже разобрали радиостанцию до самой крошечной детальки. А собирают – то же самое. Главный спец Жорик по прозвищу Фидер даже лично потыкал гвоздиком в самые подозрительные соединения. И отступился, обозвав агрегат сложным многоэтажным набором нехороших слов. Ладно, японский агрегат – мне бы хоть милицейскую "Ромашку" вместо древней "Астры", как у Валеры Супрунова. Блин, названия у них, будто по клумбе хожу среди железных цветов... Списать раритет почему-то нельзя – ему еще по срокам трех авианаводчиков пережить полагается. Это если "духи" процесс замены не ускорят, само собой. Но о грустном не будем, ладно?

Собственно, страшного ничего не случилось. Ну, собьется частота. Ну, польется в самый неожиданный момент из наушников залихватская индийская песня вместо голосов заходящих на цель летчиков. А руки на что? Подкрутил верньер и направляй соколов ВВС на караван. Просто слегка неудобно, особенно, если тебя засекли и приходится частить координатами на бегу. Это Сашке хорошо – в его машинке двадцать четыре фиксированных частоты. Электроника, мать ее етить. А у меня вместо этого за спиной двадцать килограммов железа.

Вылетали сразу четверьмя бортами. Я, Сашка Сбойченко, Валера Супрунов и какой-то важничавший тип из Кабула, что за два дня даже поздороваться ни разу не подошел. Этот не из наших, в халате и пуштунской шапке, бородатый – глубинная разведка, наверное. Куда летит, зачем – не наше дело. Ну, да и... удачи тебе, супермен. И живым вернуться, конечно.

А мы втроем отправились перехватывать очередной караван из Пакистана. Кто его первым засечет – тому и орден. Это, если взять только старт и финиш, а сам забег скромно опустить. Потому как случиться может что угодно. А может и не случиться – тут уж как повезет.

Ясное дело, что выглядываем мы "духов" не в гордом одиночестве. С каждым летит группа прикрытия – ребята умелые, с ними как-то не так... грустно.

Лучший авианаводчик – это, конечно же, настоящий штурман. Офицер боевого управления авиацией. Не тот, что сидит в кабине летательного аппарата, а тот, что по состоянию здоровья не попал в нее. Как, например, я. Кто же знал при поступлении в военное училище, что однажды придется скакать веселым козлом по горам, таская на горбу радиостанцию, для того, чтобы летчик смог аккуратно попасть четвертьтонной бомбой точно в голову одиноко пасущегося верблюда...

Вертолеты выстроились в косяк и поплыли сквозь ночную мглу в сторону гор. Бортовые огни выключены, если бы не лунный свет, вообще не различить, есть ли слева и справа коллеги. Первым высадился Валера Супрунов. Потом в сторону отвалил вертолет с Сашкой. Скоро наша очередь.

Я не к месту вспомнил свою первую "ходку в горы" – это была большая армейская операция в одном неприятном ущелье. Прикрывал меня целый взвод. Вообще-то я читаю карты на раз, еще с училища люблю топографию. Но тогда от волнения перепутал координаты, и летчики первый удар нанесли по пустому месту. Никто меня, ясное дело, потом не укорял, хотя и руку жать не торопился.

Еще одна чисто формальная проблема, на которую бывалые ребята посоветовали плюнуть сразу и забыть – требование начальства соблюдать инструкции. Вроде того, что все переговоры необходимо вести в строгом соответствии с кодировочными таблицами. А на самом деле общение идет на русском ненормативном, который шифрует информацию куда лучше кодов! Стану я втолковывать пилоту "Грача" цифровую абракадабру типа "двести сорок, абзац, триста пятнадцать по улитке", когда он виляет между горных хребтов на скорости восьмьсот километров в час, и у него нет времени разглядывать карту. Вот и шпаришь в эфир: "Квадрат сорок, левее ледника. Да твою ж мать!

Левее на одиннадцать часов! Тяни, зараза! Сброс! Сброс, говорю, так тебя и растак! О! Отлично! Давай на второй заход".

Потом вылеты превратились в рутину. Раза три вообще впустую – зря только мерзли сутками на высокогорье. То ли караван другим путем пошел, то ли вообще дезу вкинули. Нам о таких нюансах не сообщают, просто снимают с точки и возвращают в домашний уют гарнизона. Пару дней на легкий загул и – снова в горы.

Интересно, откуда "духи" знают, что Сбойченко зовут Александром? Иногда даже выходят в эфир на его частотах, грозятся, ругают по-русски. Стало быть, уважают.

Вертолет крался в чернильной тени ущелья, чудом не цепляя лопастями камни склонов. Ну, будем надеяться, что нас никто не слышит.

Высадились с нескрываемой радостью. Все-таки на твердой земле, пусть и чужой, лучше, чем сидеть в гудящей консервной банке беспомощной заготовкой для братской могилы.

Группой прикрытия командовал мой одноклассник Серега Князев. Тоже старлей. Он быстро распределил своих ребят по позициям, подошел ко мне:

- Сам-то как думаешь – здесь пойдут?

Я только пожал плечами. Если честно – вряд ли. Слишком далеко от основных троп, каравану придется делать крюк почти в семьдесят километров по ущельям, чтобы добраться до обжитых районов. Почти неделя лишнего пути.

Было бы проще взять его уже на выходе. Но там караван ждут многочисленные покупатели, значит, нормальную засаду не организуешь, зато вполне можно угодить в нее самому. А тут, где перед нашими ногами ступала разве что нога дезертира из армии Александра Македонского, возможной встрече может помешать лишь случайность.

Лучшие, как говорится, куски, достались Сашке и Валере. Это понятно – опыта больше. На их направлениях и ущелья шире, и тропы ровнее. Для них в режиме полной боевой готовности на двух ближайших аэродромах сидят на вещмешках целые роты десантников. И самолеты уже через десять минут взмоют в небо. А мы отбудем свой номер "на подхвате" из серии "на всякий пожарный" и насладимся музыкой боя исключительно по радиосвязи.

Но я не обижаюсь. Валера заменится через месяц, Сашка через полгода. И стану я самым опытным авианаводчиком во всей нашей гвардейской дивизии. Вот тогда и придет ко мне слава!

- Доложи, что мы на месте,- напомнил Серега и растворился в темноте, как сахар в чае – мгновенно и без остатка. Сам знаю.

Я развернул аппарат много тяжелее воздуха, раскинул антенну, включил. Ровно загудели лампы внутри, засветились фосфорные стрелки и цифры.

Доклад произвел в строгом соответствии с кодировочной таблицей, потому что начальник штаба за нарушение по головке не погладит. С ним даже Сбойченко не спорит.

Там информацию приняли, благосклонно разрешили перейти на дежурный режим. Все, теперь периодически слушаю эфир, да в установленное время сообщаю, что мы еще живы.

Сколько придется тут сидеть – неизвестно. Может, караван только собирается выйти из Пешавара. Может, уже через полчаса покажется в рассветной дымке. А, может, вообще никто никуда не идет. И это будет самое обидное.

Я снял наушники, улегся рядом с радиодинозавром. Место ребята выбрали неплохое, с двух сторон валуны защищают от ветра, с третьей почти вплотную скала устремилась куда-то ввысь, с четвертой каменный оползень. Никто незаметно не подберется – по оползню такой хруст поднимется, что и в соседнем ущелье слышно будет. В общем, улегся я и принялся ждать рассвет. С закрытыми глазами.

Рассвет в горах – всегда фантастическое зрелище. Самые высокие пики вдруг окрашиваются в цвет крови. А между ними небо все еще черное. Но оно постепенно синеет, алеет, желтеет. И вдруг из-за самой высокой горы выползает ослепительное солнце, словно сейчас не раннее утро, а самый настоящий полдень. Но стоит взглянуть вниз, в ущелье, и становится понятно – ночь всего лишь сползла с вершин и сдаваться не собирается.

Я надел наушники и чертыхнулся – частота опять самовольно сбилась. Покрутил верньер, подстроился – тишина в эфире. Значит, ждем дальше.

Рука непроизвольно дернулась, провернув ручку настройки. Я раскрыл рот, чтобы самокритично охарактеризовать свое поведение. И замер, забыв его закрыть.

В эфире шел бой. С яростными криками, хрипением умирающих, взрывами и загроможденной стрельбой. Кто-то грозно командовал, кто-то просил о помощи, кто-то шел в последнюю атаку. И все это на совершенно незнакомом языке. Но и без перевода было ясно, что те, на чью частоту я угодил, проигрывали. Обреченность слышалась в каждом непонятном слове.

Я жестами позвал вовремя появившегося рядом Князева, сунул ему один наушник. Мы долго сидели, прижавшись друг к другу и слушали, как где-то умирают люди.

- Что за хрень?- тихо спросил растерявший за полтора военных года остатки сентиментальности Князев.- В Индийском океане тонет американский авианосец?

- Разве это на английском?- засомневался я.- Ни одного знакомого слова.

- Ты знаешь язык вероятного противника?- удивился старлей.

- Зе Лондон из зе капитал оф Грейт Британ. Фридом. Зе групп из реди фо зе лессон. Смок он зе вотер, опять же.

- Сильно. Достойно уважения. И что?

- Не знаю. Только это не английский.

- Наверное, радиоспектакль на каком-нибудь индонезийском наречии. Хорошая станция – вон, до Индонезии дотянулась. А ты ее в расход норовишь пустить,- наступил на большую мозоль бессердечный Князев. И его можно понять – совсем не в такой обстановке он собирался отметить завтра свое двадцатичетырехлетие. А тут я с какой-то ерундой...

Я выключил "Астру" и отправился с двумя сопровождающими заниматься делом – привязывать карту к местности. В случае реального боестолкновения я должен видеть этот квадрат глазами летчика, иначе его бомбы лягут впустую.

Ущелье походило на след от удара чудовищным топором – ровное, глубокое, сужающееся книзу на глубине в несколько сотен метров. Полтора километра длиной. Уж если где и делать засаду на караван, то лучше и удобнее для авианалета места не найти. Лишь бы самолеты вовремя прилетели.

Я поделился своими мыслями с Серегой Князевым. Тот одобрил их после личного осмотра местности.

- Да, местечко что надо. Теперь главное – не прозевать появление каравана,- деловито сказал Серега.- Думаю вон на ту скалу наблюдателей посадить. И вообще! Должен на мой день рождения караван пройти именно здесь! Понимаешь? Должен! Иначе нет в мире справедливости...

Я вернулся к радиостанции. После обеда включил ее на передачу, парой контрольных цифр обрисовал штабу обстановку, получил подтверждение в приеме и снова ушел в режим молчания.

День прошел в полной тишине. На такой высоте не водились ни змеи, ни грызуны, ни горные козлы. Лишь дул пронизывающий ветер, пытавшийся столкнуть с места парившего невдалеке орла.

Под вечер я не выдержал и снова настроился на ту частоту. Судя по пустоте в эфире, бой закончился. Лишь странный свист и щелканье изредка нарушали щемящую тишину.

- Обычное дело,- пожал плечами Серега. - А ты, что – ожидал услышать горький плач побежденных? Или злобный смех победителей? Небось, уже трупы упаковали в целлофан, а лужи крови присыпали опилками. Ты о нас лучше думай.

Не спалось. Я заменил комплект батарей и вновь принялся шарить по эфиру. Просто так, безо всякой цели. Вдруг "духов" поймаю. Язык, конечно, не пойму, зато по силе сигнала можно предположить, как далеко они от нас. Или, наоборот, слишком близко. Они хоть и живут в четырнадцатом веке по своему календарю, но техникой пользуются вполне уверенно. В караване радиостанция наверняка имеется. Хорошая такая. Японская. Как у Сашки Сбойченко...

Я проснулся от того, что в наушниках звучал голос на непонятном языке. Одинокий такой. Словно искал в эфире кого-то. Слова были похожи на имена. Кто-то окликал своих товарищей. И я решился на несусветную глупость. Наверное, не до конца проснулся.

- Здесь Ворон,- сказал я в микрофон.- Все ваши погибли. Сожалею. Конец связи.

В наушниках забулькало, словно их опустили в кастрюлю с кипящей водой. После долгой паузы я обомлел от услышанного.

- Незнакомый язык,- сказал все тот же голос на русском.- Вы есть какая система? Нет картинка, извините.

- Вы знаете наш язык?!- только и смог прохрипеть я.

- Нет. Это переводчик нашел аналог. Возможно несовпадение идиом. Вы какая система? А, я нашел. Начальный уровень. Нет в конфедерации. Еще нет. Общение запрещено. Извините.

- Что? Почему? Кто вы?

Собеседник помолчал. Видимо, он, в отличие от меня, не решался переступить запрет. Но и узнать о товарищах тоже хотел.

- Вы сказать, что все погибли. Откуда узнали?

- Слышал по радиосвязи. Шел бой. Было все понятно.

Снова потянулась пауза. Я уже было подумал, что собеседник отключился, но он вдруг с горечью произнес:

- Я опоздал. Мог бы погибнуть с ними. Обидно.

- Что хорошего в смерти?- возразил я.- Вы остались живы и сможете отомстить за товарищей. Если и погибнете, то хоть не совсем напрасно. У вас идет война?

- Вас это не касается,- ответил он слегка ободренным голосом.

- Как знать... у нас тут тоже идет война. А война такая штука – касается всегда и всех.

- Вы воюете за правду?

- Да,- ответил я самым твердым и честным голосом. Потому что действительно так считал.

- Зовите, Ворон. Я помогу вам. Вы сказали умные слова, спасли меня от глупых поступков. Я должен отблагодарить. Меня зовут Эркин.

- Спасибо,- ответил я. И мгновенно вспотел от осознания того, что натворил – нарушил режим радиомолчания, вступив в контакт неизвестно с кем! В трибунале, наверное, для меня уже скамью подсудимых влажной тряпкой протирают!

Я воровато оглянулся, но рядом не было ни одной живой души. А, ладно. Кто докажет? Никто. Может, мне этот разговор вообще приснился... как и вон те мигающие блики на горном отроге...

- Подъем!- зашипел в ухо выскочивший из-за валуна Серега Князев. В голосе смешались ликование, озабоченность и легкая паника.- Хорош спать! Караван! Работаем! Есть подарочек на день рождения! Вызывай авиацию!

- Где? Что?- завертел я головой в недоумении.

Серега сунул мне прибор ночного видения и указал на дальний вход в ущелье:

- Туда смотри.

Картинка загробного зеленоватого цвета показала силуэты двух десятков верблюдов. И это была лишь передовая часть каравана! Мама дорогая, сколько их там?!

- Охранение идет по противоположному склону,- комментировал ситуацию Серега.- Повезло нам – до сих пор не засекли. Наслаждался? Давай аппарат, мне его еще на пулемет вернуть надо. Вызывай "Грачей".

Я нацепил наушники, развернул перед собой карту, крутанул ручку настройки. И по той легкости, с которой она поддалась, с ужасом понял, что хрен мне, а не связь с авиацией! Сломалась моя "Астра" окончательно. А караван, судя по доносившемуся эху, уже втянулся в ущелье. И не завалим мы вдесятером эту толпу, потому что не на бой наши силы рассчитаны, а на прикрытие совершенно бесполезного сейчас меня!

И заорал я внезапно, демаскируясь от наступившего отчаяния:

- Эркин! Помоги! Уйдут же "духи"!

Через пять ударов сердца я понял, какой я дурак.

А еще через три в наушниках раздался знакомый голос:

- Вышел из подпространства. Вхожу в атмосферу. Укажите цель.

Да хрен тебя знает, космический боец, как тебе объяснить нашу систему координат!

- Держи пеленг по радиоволне.

- Принято. Время подлета сорок секунд.

По-моему, я разучился дышать. Снова из темноты проявилось лицо Сереги:

- Где авиация?

- Сейчас будет,- прохрипел я.- Пять, четыре, три, два, один...

Чудовищная тяжесть придавила нас к камням. В сером предрассветном небе прямо над нашими головами – рукой потрогать можно – возник длинноносый предмет с маленькими крыльями. Выглядел он как боевая машина пехоты, выросшая до размеров троллейбуса.

- На месте,- доложил Эркин.- Где цель?

- Под тобой ущелье видишь?

- Да.

- Цель – все, что находится в ущелье!

- Вижу животных и гражданских лиц гуманоидной расы,- с некоторым сомнением сообщил Эркин.- Они точно враги?

Я не стал материться, ввиду возможного несовпадения идиом. Да это оказалось не нужным. "Духи" тоже заметили летательный аппарат и открыли по нему огонь.

- Цель принята,- процедил сквозь зубы – или что там у него во рту – Эркин.

Аппарат завис над ущельем, слегка наклонившись передней частью.

- Что это за хрень?- прошептал Князев.

- Подарок. От меня. На долгую память. С днем рождения, Серега!

Из носовой части корабля вылетело синеватое облачко, словно спрессованное из молний. Оно стремительно спустилось в ущелье. Раздался тяжкий удар, от которого содрогнулись окрестные скалы. По глазам хлестнула яркая вспышка.

- Цель уничтожена,- доложил Эркин.- Еще просьбы будут?

- Н-нет,- пробормотал я.- Пожалуй, нет. Спасибо за помощь.

Корабль поднялся из ущелья, развернулся ко мне носом.

- Ворон, покажись,- попросил Эркин.- Хочу запомнить тебя. Может, наши пути когда-нибудь снова пересекутся.

Я поднялся из-за валуна, негнущейся рукой помахал нежданному союзнику.

- Принято,- сказал он.- Прощай, Ворон.

Космический танк плавно взмыл в небо и растворился в его синеве.

Потом я при помощи штык-ножа и ногтей разбирал радиостанцию, пытаюсь починить ручку настройки. Группа прикрытия лениво перестреливалась с охранением каравана, залегшим на той стороне ущелья. Серега Князев нецензурно выражал свое крайнее удивление случившимся.

"Астра" наконец-то заработала как надо. Я наплевал на инструкции и открытым текстом сообщил в штаб о караване. Так как рассказу об НЛО все равно бы никто не поверил, с согласия Сереги была придумана версия о внезапном горном обвале.

Мы сидели на базе, угощаясь пенистой бражкой, приготовленной специально для нас знакомым начальником продовольственного склада.

- Я ребят предупредил, чтобы молчали,- сказал Серега Князев.- Пусть это будет нашей маленькой

тайной. Что с радиостанцией делать будешь?

Я пожал плечами:

- Валера Супрунов обещал мне свою "Ромашку". А эта... пускай лежит на складе. Вряд ли когда еще... ну, ты понимаешь.

Нашу часть вывели из Афганистана в Фергану. Я приезжал после увольнения – хотел выкупить радиостанцию. Но ее к тому времени давно уже списали...